

**ИМПЕРАТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, адрес: 141435, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Соколовская, д. 1а, e-mail: d413839@yandex.ru

ДАНКОВА Жанна Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, адрес: 141435, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Соколовская, д. 1а, e-mail: zdankova@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в исследовании приоритетных тенденций и особенностей развития гражданского общества современной России в условиях специальной военной операции 2022–2023 гг. Научная проблема заключается в необходимости осмысления влияния ситуации военно-политического конфликта на функционирование отечественной модели взаимодействия «третьего сектора» и государственной власти. Для решения проблемной ситуации проводится комплексный политологический анализ. Исследование опирается на исторический, компаративистский, структурно-функциональный методы. В качестве полученных результатов аргументируется, что ключевым императивом взаимодействия общества и государства в современной России становится область военно-гражданских отношений. Обосновывается, что приоритетной задачей подавляющего большинства организаций «третьего сектора» становится оказание поддержки вооруженным силам в зоне проведения СВО. Делается вывод о происходящей структурной и функциональной трансформации российской модели государственно-гражданского диалога. Прогнозируется укрепление легитимности субъектов, которые выступают в качестве связующего звена между армией и социумом.

Ключевые слова: государственно-гражданский диалог, волонтерство, специальная военная операция, гражданское общество, добровольчество, «третий сектор».

Цит.: Цыбаков Д.Л., Данкова Ж.Ю. Императивы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 5. – С. 80–95.

**IMPERATIVES OF STATE-CIVIL INTERACTION IN RUSSIA
DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION**

TSYBAKOV D. L., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: d413839@yandex.ru

DANKOVA Zh. Y., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: zdankova@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the priority trends and features of the development of civil society in modern Russia in the context of a special military operation in 2022-2023. The scientific problem lies in the need to understand the impact of the situation of military-political conflict on the functioning of the domestic model of interaction between the "third sector" and state power. To solve the problem situation, a comprehensive political analysis is carried out. The research is based on historical, comparative, structural and functional methods. As the results obtained, it is argued that the key imperative of interaction between society and the state in modern Russia is the field of civil-military relations. It is proved that the priority task of the overwhelming majority of the organizations of the "third sector" is to provide support to the armed forces in the area of the SVO. The conclusion is made about the ongoing structural and functional transformation of the Russian model of state-civil dialogue. Strengthening the legitimacy of the subjects is predicted that act as a link between the army and society.

Keywords: public-civil dialogue, volunteering, special military operation, civil society, volunteerism, "third sector".

For citations: Tsybakov, D. L., Dankova, Zh. Y. (2023) Imperatives of state-civil interaction in russia during a special military operation// Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 5. – P.80-95.

ВВЕДЕНИЕ

Влияние ситуации вооруженного конфликта на состояние и характер государственно-гражданского взаимодействия до настоящего времени продолжает оставаться проблемным и недостаточно осмысленным с научной точки зрения аспектом развития политического процесса в постсоветской России. В свою очередь, многие классики зарубежной политической теории достаточно последовательно рассматривали вопрос о «военном измерении» партикулярного сектора политических отношений. Так, в разработках Р. Даля проводилась прямая связь между укреплением демократии и наличием народного ополчения, что обуславливалось с состоянием «вооруженной нации» [4, с. 374]. В развитие отмеченных положений российский политический философ О.А. Бельков достаточно обоснованно аргументировал сохранение милитаристского потенциала в социумах, относимых к категории либеральных политий [1, с. 157].

Несмотря на то что большая часть периода существования суверенной Российской Федерации сопровождалась вовлечением вооруженных сил государства в военные конфликты различного масштаба и интенсивности, экспертное сообщество лишь фрагментарно обращало внимание на воздействие отмеченного фактора на состояние отечественного «третьего сектора». Как правило, исследовательский интерес концентрировался на исторических аспектах взаимодействия общества и власти в условиях войны. Однако конфликт 2022–2023 гг., ставший продолжением государственного переворота и гражданской войны на Украине, привел к полномасштабному столкновению Российского государства и патронируемого Западом националистического режима в Киеве. Формирование антироссийской атлантической коалиции привело к преобразованию противоборства с украинскими радикалами в формат региональной войны, что потребовало от государственной власти Российской Федерации обращения за помощью и поддержкой со стороны гражданского общества.

Необходимо учитывать, что во всех судьбоносных для России войнах предшествующих столетий гражданские сообщества вовлекались в коммуникацию со сражающейся армией. В третьем десятилетии принципиальное нарастание характера вызовов и угроз для отечественной государственности выдвигает на первый план вопрос о способности публичной власти реализовать свою функцию защиты национального суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя Российской Федерации. В сложившихся условиях отмеченная задача требует придания рационального характера

потенциалу негосударственного сектора и инициативам граждан в области обороны и безопасности.

Постановка проблемы

Оценивая российский опыт функционирования гражданского общества в условиях военного времени, следует указать, что подобная ситуация создает специфические условия для поддержания государственно-гражданского диалога. Как полагает Е.Л. Яковлева, сущность и содержание взаимодействия общества и государства в военный период определяются обстановкой совместного коллективного действия. Поэтому государственно-гражданский диалог представляет собой состояние «соучастия»: институты власти и общественные объединения одинаково определяют ситуацию военного времени, что в значительной степени нивелирует поляризацию отношений между указанными субъектами [14, с. 124]. Весьма близким к истине представляется мнение российского исследователя А. Тумановой о том, что в условиях военного времени для России всегда характерно формирование «мобилизованного общества». Такое развитие событий предоставляло аргументацию относительно способности социума адаптироваться к кризисным условиям [12, с. 12]. Со своей стороны, отечественный политолог А.А. Ковалев на основе анализа состояния гражданско-военных отношений пришел к достаточно скептическому выводу о результативности коммуникации «общество – государство» в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации. По его мнению, государственная бюрократия по мере возможностей игнорирует инициативы «третьего сектора» в области национальной обороны. Однако и со стороны гражданского общества в процессе государственно-гражданской коммуникации констатируется разобщенность и индифферентность социальных групп и сообществ [6, с. 28]. Отмеченные обстоятельства должны приниматься во внимание при анализе новых императивов сотрудничества гражданского общества и государственных институций в период специальной военной операции 2022–2023 гг.

Обсуждение и результаты

Для оценок постсоветского опыта формирования гражданского общества характерно скептическое отношение ведущих экспертов к перспективам формирования эффективной модели взаимоотношений между властными институтами и «третьим сектором». Например, согласно описанным А.Ю. Сунгуровым четырем вариациям взаимодействия «государство – общество», только одна из них – «партнерская» – предполагает внедрение различных моделей равноправных

отношений между контрагентами, таких как «модель садовника», «модель архитектора», партнерская модель, тогда как иные типы взаимодействия предполагают доминирование власти, игнорирование или ее конфронтацию с самостоятельными общественными субъектами [10, с. 5]. Общим местом научных оценок является признание ведущей роли государства в процессе конституирования гражданских институций [3, с. 7].

Реальные события, происходящие после начала СВО, корректируют устоявшиеся представления о взаимоотношениях власти и социума [7, с. 32]. По мере нарастания вооруженного противостояния с украинским милитаризмом и неонацизмом содействие российским вооруженным силам и оказание гуманитарной помощи жителям воссоединенных регионов России со стороны гражданских сообществ приобретало всё более широкий масштаб и последовательный и многосторонний характер. На порядок расширился спектр политических субъектов и неполитических объединений, которыми была установлена прямая связь с конкретными подразделениями, частями, армейскими соединениями и многочисленными добровольческими формированиями, принимающими участие в специальной военной операции. Показательно увеличение категорий объединений и гражданских ассоциаций, прибывших к коммуникации с военной организацией государства. Во взаимодействие с вооруженными силами теперь оказались вовлечены следующие типы общественных объединений:

- ветеранские объединения и организации бывших военнослужащих, участников локальных войн, которые сложились задолго до начала специальной военной операции; как правило, они создавались именно для решения задач всесторонней помощи, правовой поддержки и социальной реабилитации граждан, принимавших участие в военных действиях в вооруженных конфликтах позднего советского и постсоветского периодов. Именно указанная категория гражданских субъектов была тесно интегрирована в систему военно-гражданских отношений и обладала наибольшей погруженностью в проблематику взаимодействия с государством в сфере национальной обороны;

- волонтерские объединения всероссийского и регионального уровня, до начала СВО в основном не занимавшиеся сотрудничеством с вооруженными силами, но активно подключившиеся к гуманитарной поддержке военнослужащих, семей мобилизованных резервистов, жителей, пострадавших от военных действий территорий.

Например, массовые волонтерские движения, такие как объединение «Мы вместе», созданные при поддержке государственной администрации во время борьбы с глобальной пандемией, были переориентированы для работы в области гуманитарной помощи кадровым военным и добровольцам и их социальной защиты. Российскими исследователями достаточно объективно обосновано, что масштабирование волонтерского движения в нашей стране непосредственно связано с проводимой государственной политикой [2];

– общественные субъекты, изначально созданные для исполнения широкого круга общественно-политических задач, прямо не связанных с военной политикой и сферой национальной безопасности. Массив подобных объединений весьма широк и отличается прочной интеграцией с системой принятия политических решений. Отмеченная категория включает в себя весьма многообразные типы – от региональных отделений парламентских политических партий до общенациональных объединений, таких как «Общероссийский народный фронт», «Женское движение «Единой России», общество «Царьград». Следует отметить, что причастность к событиям СВО остается для всех перечисленных выше категорий одним из многих направлений их деятельности. Набор компетенций общественно-политических организаций и движений весьма многообразен и выходит за рамки регулярного сотрудничества с военной организацией государства в ситуации вооруженного конфликта.

В отличие от трех перечисленных выше типов, которые обязаны своим существованием обширным и многоаспектным социальным запросам, в структуре гражданского сообщества начиная с февраля 2022 г. *четвертую категорию* представляют *специализированные негосударственные субъекты*. Их основным предназначением выступает оказание военно-прикладной, технологической, консультативной и другой негуманитарной поддержки Вооруженным силам Российской Федерации. По сравнению с другими классическими образцами общественных объединений применительно к ситуации военно-гражданского взаимодействия данная категория самая многочисленная по своему количественному составу и универсальна по объему реализуемых самостоятельных инициатив. В рядах таких объединений могут состоять и действующие военные, добровольцы, резервисты, а также граждане, имеющие опыт участия в военных операциях в Донбассе в 2014–2022 гг. в рядах ополчения и народной милиции ЛДНР.

Первые инициативные группы по поддержке национально-освободительного движения Новороссии оформились в период после начала «Русской весны» 2014 г. и продолжали свою работу во время действия Минских соглашений. Типичным примером является деятельность Координационного центра поддержки Новороссии (КПЦН) и фонда «Но пасаран!», созданных в мае 2014 г. для взаимодействия с бригадой/батальоном народной милиции ЛНР «Призрак».

После начала специальной военной операции объединения энтузиастов-единомышленников логичным образом послужили примером для образования новых волонтерских ассоциаций. Их отличительный признак – это не просто работа в гуманитарной области, а подготовка конкретных армейских подразделений к их боевому применению в зоне проведения СВО. Как правило, численность каждого из них невысока, однако общее количество добровольческих сообществ и уровень их активности намного превосходят аналогичные показатели неправительственных организаций предшествующего времени. Специфика их деятельности состоит в том, что, помимо решения вопросов социально-гуманитарного характера, они заняты обеспечением служебно-боевой деятельности армии, включая разработку и оснащение воюющих подразделений и частей средствами и технологиями вооруженной борьбы.

Следует указать, что формирование военизированных общественных субъектов происходило волнообразно и совпадало по времени с конкретными периодами государственной политики в области обороны и безопасности, исходя из чего следует выделить конкретные этапы трансформации императивов государственно-гражданского диалога в конце второго – начале третьего десятилетий XXI столетия.

Первым таким этапом имеет смысл признать период от начала «Русской весны» 2014 г., воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией и провозглашения народных республик Донбасса. Именно тогда заявило о себе добровольческое движение, оказавшее помощь в организации народного волеизъявления крымчан и севастопольцев, а также по мере сил помогавшее освободительной борьбе народа Новороссии. В связи с подписанием первых и вторых Минских соглашений и переводом вооруженного конфликта в Донбассе в формат низкой интенсивности это общественное движение перешло в латентную фазу.

Новый (второй) этап процесса модификации государственно-гражданского взаимодействия современной России связан с началом специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и последовавшим

вскоре восстановлением иррегулярного компонента военной организации в форме региональных и национальных батальонов, полуправильных «частных военных компаний», а также частей боевого армейского резерва специального (БАРС). Добровольческие формирования в значительной мере оказались на обеспечении региональных и муниципальных властей, некоторых государственных корпораций, коммерческих фирм и гражданских ассоциаций. Значительная часть личного состава иррегулярных частей комплектовалась организованными группами добровольцев, которые сложились еще в период их мирной жизни на основе различных военизированных корпораций – военно-спортивных и военно-патриотических обществ, движения возрождения казачества, сообществ участников локальных войн. Тем самым в структуре Вооруженных сил России появился особенный структурный компонент, тесно связанный с конкретными социальными группами, что позволяло ему естественным образом выступить в качестве связующего звена между армией и народом.

Третий этап корректировки императивов государственно-гражданского диалога приходится на нарастание военной угрозы приграничным регионам Российской Федерации и начало частичной мобилизации в октябре 2022 г. В результате этих событий в орбиту военных действий были включены значительные массы социально активного мужского населения. Постоянный набор военнослужащих по контракту и добровольцев продолжился и далее [10, с. 62]. Так, по официальным данным заместителя секретаря Совета Безопасности России Д.А. Медведева, с января по октябрь 2023 г. на военную службу, не считая призывников, было принято 385 тысяч человек, из них 305 тысяч оформило контракт с Министерством обороны РФ, а около 80 тысяч вступили в армейские ряды в качестве добровольцев. Перманентное пополнение вооруженных сил значительным количеством резервистов, многие из которых обладали серьезными навыками гражданской социализации, имело своим следствием наступление диалектических последствий. С одной стороны, происходила понимаемая в широком смысле мобилизация общественного потенциала в целях успешного завершения СВО. С другой стороны, вооруженные силы и военная политика государства в целом оказались, несмотря на весьма последовательное противодействие со стороны бюрократического аппарата, в режиме согласования своих стратегических решений с общественным мнением и социальным активизмом.

Дело в том, что наиболее результативные из добровольческих сообществ оказались способны к автономной организации решения

наиболее проблемных вопросов оборонного строительства. Именно гражданскими энтузиастами были в короткие сроки апробированы научно-конструкторские разработки передовых образцов средств вооруженной борьбы и ресурсов ее обеспечения. Более того, в негосударственном «третьем секторе» происходила разработка моделей боевого применения войск, предлагались альтернативные методики и технологии противоборства, находящие применение на тактическом уровне специальной военной операции. Важными направлениями сотрудничества неправительственных субъектов с армией также остается материальное обеспечение и обучение мобилизованных резервистов силами гражданских консультантов и инструкторов.

Итогом приложения усилий гражданских активистов и отставных кадровых военных стали принципиальные прорывы в деле использования современных способов и приемов достижения победы над противником. Помимо решения прикладных задач, объединениями «третьего сектора» России продолжается теоретико-методологическое осмысление изменений характера военных действий, влияния на них информационной и цифровой революций.

Очевидно, что в Российской Федерации в течение весьма ограниченного времени сформировался гибридный оборонно-промышленный сектор, включающий в себя как администраторов оборонных ведомств, так и части бизнес-сообщества, гражданских активистов, инженеров, представителей массмедиа и IT-индустрии. Совокупными усилиями они оказались способны преодолевать бюрократические препоны и незаконные зарубежные санкции.

Не менее значимым вектором государственно-гражданского партнерства в условиях СВО становится вовлечение в этот процесс не только групп, структурированных по принципу общности интересов, но и территориальных сообществ. Показательно, что задачи повседневного снабжения войск в прифронтной зоне в значительной мере взяты на себя региональными и муниципальными общественными ячейками. После объявления частичной мобилизации и распространения террористических атак на российское приграничье в прифронтных субъектах Федерации стихийно заявляют о себе социальные коллективы, по собственной инициативе занятые оснащением и экипировкой военнослужащих и социальной защитой членов их семей и пострадавших от вражеских акций сограждан.

Прежде всего, объединения подобного рода возникали в прифронтных районах сопредельных областей, в скором времени заявив о себе во многих регионах, географически отдаленных от линии боево-

го соприкосновения. Всё более обычной стала практика организации волонтерских групп при содействии местного и регионального управления специально для поддержки резервистов, призванных во время частичной мобилизации из конкретных муниципальных и административно-территориальных образований.

Продолжением гражданских инициатив стали действия государственной власти по институционализации общественного потенциала, что имело место в ноябре 2022 г. во время проведения форума «Сообщество». По его итогам было обнародовано решение о создании некоммерческой организации «Комитет семей воинов Отечества». В качестве учредителей последнего выступили такие объединения, как «Женщины России», «Союз семей военнослужащих», «Союз женщин России», «Матери России». В дополнение заявляют о себе общественные движения, конституированные участниками вооруженного конфликта. Первый субъект подобного рода – Всероссийский союз ветеранов СВО – образован по инициативе одного из соединений Южного военного округа.

Естественным образом наблюдается институционализация прежде разобщенных групп волонтеров в зонтичные объединения общенационального масштаба. Именно на рассматриваемом этапе происходит интеграция социальных инициатив и стратегий институтов публичной власти. На практике отмеченное обстоятельство выражается в создании в субъектах Федерации центров подготовки и переподготовки специалистов, внедрении программ военно-патриотической социализации граждан, проведении форумов и съездов по консультативному и экспертному сопровождению специальной военной операции.

Ключевым императивом государственно-гражданского диалога в период военно-политического конфликта с киевскими властями и стоящей за ними атлантической коалицией становится решение задач военно-технического и технологического характера, а также некоторых вопросов боевого применения войск при привлечении неправительственных организаций и специалистов. В данном контексте весьма обоснованным представляется наличие тенденций политизации гражданской активности в постсоветской России, которые отмечались экспертами еще задолго до начала СВО [9, с. 225].

В то же время канализацию самодеятельных инициатив граждан по решению задач СВО в ряде случаев отличают и очевидные контрпродуктивные последствия. Системной проблемой следует признать коммерциализацию и политизацию добровольческого движения. Ос-

новой причиной этого укажем внедрение бенефициаров «второго сектора» в область военно-гражданских отношений, инициировавшее развертывание сети полулегальных так называемых частных военных компаний. Наиболее известные из последних имеют в своем распоряжении медийный ресурс, используют политический консалтинг и стремятся обзавестись общественно-политическим представительством.

В научном сообществе и ранее было доказано, что итогом вмешательства бизнес-групп в область гражданских военно-патриотических инициатив становятся многочисленные деформации практики военно-гражданских отношений [8, с. 246]. Основной дефект нам видится в том, что благодаря опоре на исключительно материальное стимулирование в значительной мере монополизированы патриотические настроения российских граждан, для осмысления чего необходимо принять во внимание мнение П.С. Золотарева о возможности возрождения наемничества в форме частных военных компаний в условиях глобализации современного мирового порядка [4]. Тем самым возникает перспектива частичной переориентации мотивации социально активных патриотов с добровольного выступления на защиту Отечества на занятие военным делом в качестве своего рода ремесла, коммерческого предприятия, причем ареалом приложения ресурса добровольцев становятся весьма отдаленные от российских рубежей регионы планеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, обобщим, что начало специальной военной операции в феврале 2022 г. существенно модифицировало и скорректировало императивы взаимодействия государственной власти и гражданского общества в современной России. Уникальные по временным меркам трансформации затронули и функциональные, и институциональные аспекты коммуникации между государством и «третьим сектором». Отправными этапами формирования новых приоритетов государственно-гражданского диалога следует признать такие события, как директивы государства о восстановлении иррегулярного компонента военной организации весной 2022 г., возникновение военной угрозы в приграничных субъектах Российской Федерации и объявление частичной мобилизации в октябре того же года. В итоге перевод специальной военной операции из режима противостояния с киевским режимом в формат противоборства с атлантическим сообществом инициировал социальный патриотический подъем и обусловил объективную реорганизацию институциональной структуры

гражданского общества в современной России [13, с. 97].

По мере проведения СВО всё большее количество социальных групп вовлекается в процесс прямой или опосредованной поддержки российских вооруженных сил и населения охваченных военными действиями районов в гуманитарной, материальной, социально-психологической, информационной и военно-технологической областях. Происходит порядковое увеличение субъектного состава «третьего сектора» как по направленности его деятельности, так и по охвату территориального пространства. Формализованные, неформализованные и сетевые объединения в массовом порядке интегрируют всё новые социальные агрегации и местные сообщества, включая провинциальные муниципии, ранее не охваченные гражданским активизмом.

Проведенный анализ формирования императивов государственно-гражданского диалога в современной России подвигает к формулированию следующих выводов.

Общая незавершенность институционализации гражданского общества к началу третьего десятилетия XXI столетия имела своим следствием распространение таких тенденций, как имитационный характер многих субъектов «третьего сектора», распространение патернализма и этатизация отношений «общество – государство». Большинство из неправительственных объединений граждан либо прямо патронировались государством, либо в той или иной мере оказывались в сфере внимания олигархата или же зарубежных деструктивных сил.

В связи с началом проведения СВО и вовлечением значительных социальных групп и слоев в процесс оказания гуманитарной и иной поддержки Российской армии в структуре общества за короткий срок заявили о себе новые, специализированные акторы государственно-гражданского диалога. В условиях мирного времени появление таких субъектов не являлось актуальным, однако в обстановке принципиального военно-политического противоборства с западной коалицией именно способность общественных формирований выступать связующим звеном между гражданами и военной организацией государства приобретает определяющее значение для эффективности и легитимности «третьего сектора» в массовом политическом сознании.

Уникальность ситуации в том, что возрастающая общественная активность периода СВО лишь в весьма ограниченном масштабе направляется государственной властью. За государством в данном процессе остаются, главным образом, стратегические решения о це-

лях и направленности СВО, тогда как конкретные формы и приоритеты своего участия в системе военно-гражданских отношений избираются гражданами и их объединениями на автономной и самостоятельной основе, во многих случаях не благодаря, а вопреки позиции административно-бюрократического аппарата.

Отмеченные обстоятельства позволяют констатировать малую вероятность полной этатизации народного патриотического подъема, ставшего реальностью после начала СВО. В то же время отмечается оформление всё больших платформ сотрудничества и взаимодействия между обществом и публичной властью, в процесс чего всё более вовлекаются и те из негосударственных объединений, что ранее относились экспертами к формализованным квазигражданским объединениям.

Дискуссионной продолжает оставаться перспектива развития императива политизации общественных институций, заявивших о себе в период специальной военной операции. Представляется, что вовлечение гражданских формирований в общественно-политический процесс будет продвигаться в ином формате, нежели прямое вовлечение в борьбу за властные полномочия под устойчивыми идеологическими лозунгами, наряду с чем следует ожидать увеличения возможностей, каналов и инструментов для донесения до политических элит запросов и потребностей социальных групп, конституируемых в обстановке проведения специальной военной операции.

Таким образом, доминирующим императивом гражданско-государственного диалога в современной России всё в большей степени становится сфера военно-гражданских отношений. Институты и субъекты, способные проявить себя в качестве коммуникативной площадки между вооруженными силами и обществом, в обозримом будущем имеют шансы оставаться ключевыми акторами общественно-политической активности в Российской Федерации.

Библиография / References:

1. Бельков О. Военный мундир демократии: рудимент прошлого или инструмент будущего / О.А. Бельков // Безопасность Евразии. – 2001. – № 3. – С. 157–197.
2. Волонтерство в России: отечественный опыт и современность / под науч. ред. В.И. Василенко, В.М. Зорина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 400 с.

3. Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. – 406 с.
4. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 576 с.
5. Золотарёв П.С. Военное наёмничество: особенности возрождения в XXI веке / П.С. Золотарев // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005943-4-1/> (дата обращения: 30.09.2023).
6. Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9. – С. 18–28.
7. Манышев И.В. Особенности консолидации общественных связей в городском пространстве в период проведения Специальной военной операции // Управление городом: теория и практика. – 2022. – № 4 (46). – С. 29–32.
8. Поляков Е.М. Насилие и политический терроризм в современном мире / Е.М. Поляков // Политическая концептология. – 2013. – № 2. – С. 236–246.
9. Римский В.Л. Государство и политизация гражданской активности // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – С. 226–233.
10. Сибилева О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в Специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 12 (305). – С. 57–62.
11. Сунгуров А.Ю. Российское гражданское общество и власть. – СПб.: Алетейя. – 2022. – 403 с.
12. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 327 с.
13. Шушпанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 4. – С. 97–108.
14. Яковлева Е.Л. Время собирать камни... // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 119–124.

1. Bel'kov, O. (2001) Voennyj mundir demokratii: rudiment proshlogo ili instrument budushchego [Military uniform of democracy: a vestige of the past or a tool of the future] // Bezopasnost' Evrazii [Security of Eurasia] № 3. – P.157-197. (In Russ.)
2. Vasilenko, V. I., Zorina, V. M. (2020), Volonterstvo v Rossii: otechestvennyj opyt i sovremennost' [Volunteering in Russia: domestic experience and modernity] / pod nauch. red.. - M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS,- 400 p. (In Russ.)
3. Grudcyna, L.YU. (2010) Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo [State and civil society]. M.: YURKOMPANI. — 406 p. (In Russ.)
4. Dal' R. (2003) Demokratiya i ee kritiki [Democracy and its critics] / Per. s angl. Pod red. M.V.Il'ina. – M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN),- 576 p. (In Russ.)
5. Zolotaryov, P. S. (2019) Voennoe nayomnichestvo: osobennosti vozrozhdeniya v XXI veke [Military mercenarism: features of revival in the 21st century]/ Zolotarev, P.S.// Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st century]. №2. [Elektronnyj resurs] URL:<https://rusus.jes.su/s207054760005943-4-1/>(Data obrashcheniya 30.09.2023). (In Russ.)
6. Kovalev, A.A.(2017) Grazhdanskoe obshchestvo Rossii i ukreplenie voennoj bezopasnosti v epohu protivostoyaniya civilizacij //Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Civil society of Russia and strengthening military security in the era of confrontation between civilizations // Management consulting]. – № 9. – P.18-28. (In Russ.)
7. Manyshev, I.V. (2022) Osobennosti konsolidacii obshchestvennyh svyazej v gorodskoj v period provedeniya Special'noj voennoj operacii // Upravlenie gorodom: teoriya i praktika [Features of the consolidation of public relations in urban space during the Special Military Operation // City Management: Theory and Practice]. –№ 4 (46). –P. 29-32. (In Russ.)
8. Polyakov, E.M. (2013) Nasilie i politicheskij terrorizm v sovremenom mire // Politicheskaya konceptologiya [Violence and political terrorism in the modern world // Political Conceptology]. –№2. –P.236-246. (In Russ.)
9. Rimskij, V. L. (2013) Gosudarstvo i politizaciya grazhdanskoj aktivnosti // Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskih obshchestvennyh praktikah [The state and the politicization of civic activity // Civil and political in Russian public practices] / pod red. S. V. Patrusheva. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). – P.226-233. (In Russ.)
10. Sibileva, O.P. (2022) Pravovoj status dobrovol'cev uchastvuyushchih v Special'noj voennoj operacii na Ukraine // Pravo v Vooruzhennyh

Silah - Voенно-pravovoe obozrenie [Legal status of volunteers participating in the Special Military Operation in Ukraine // Law in the Armed Forces - Military Legal Review]. –№ 12 (305). –P. 57-62.(In Russ.)

11. Sungurov, A. YU.(2022) Rossijskoe grazhdanskoe obshchestvo i vlast'[Russian civil society and government]. (In Russ.) SPb.: «Aletejya». – 403 s. (In Russ.)

12. Tumanova, A. S.(2014) Obshchestvennyye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 - fevral' 1917 g.)[Public organizations of Russia during the First World War (1914 - February 1917)] - M.: politicheskaya enciklopediya. – 327 p. (In Russ.)

13. SHushpanova, I. S. (2022) Osobennosti social'no-politicheskoy konsolidacii rossijskogo obshchestva i gosudarstva v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii: sociologicheskij analiz // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the context of a special military operation: sociological analysis // Science. Culture. Society]. – 2022. –Т. 28. –№ 4. –P. 97–108. (In Russ.)

14. Iakovleva, E.L. (2015) Vremia sobirat' kamni... // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Time to collect stones... // Current problems of economics and law]. – № 1. – P. 119–124.(In Russ.)